

С.В. МОХОВ

ПОХОРОННАЯ ИНДУСТРИЯ: РОЛЬ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ¹

Аннотация. Статья предлагает сравнительную картину появления и развития похоронной индустрии в странах Запада и в России в фокусе государственного регулирования данной сферы. Предприняты попытки интерпретации различий в формировании национальных рынков ритуальных услуг на основе типологии Тони Уолтера. По его мнению, существует три идеальных модели похоронного рынка (выделенные на основе того, кто владеет соответствующей инфраструктурой) — частная, церковная и государственная, а также вариации смешанной модели. Уолтер полагает, что в рамках каждого типа не просто формируются различные институциональные модели, но и развиваются характерные для них особые похоронные услуги. Устройство российского рынка ритуальных услуг рассмотрено в качественно новой, сравнительной перспективе в контексте мирового опыта государственного регулирования данной сферы. Выявлены серьезные ограничения использования типологии Т. Уолтера применительно к российскому кейсу в отсутствие нормативного контекста, аналогичного западному. Как показали результаты проведенного автором исследования, в современной России рынок ритуальных услуг представляет собой «симбиоз» держателей государственных инфраструктурных ресурсов и частного бизнеса, что принципиально отличает его от западных моделей. Отсутствие своей инфраструктуры приводит к тому, что бизнес ритуальных компаний является агентским и посредническим. Они используют государственную инфраструктуру для извлечения прибыли, ограничивая доступ потребителя к соответствующим услугам. Благодаря проведенному исследованию мы получили возможность увидеть, что для своего развития похоронная индустрия должна находиться в рамках нормативного регулирования и подвергаться регламентации. Это позволит сформировать услугу похорон как рыночное благо, в рамках реализации которого возможна конкуренция и качественное ее развитие.

Ключевые слова: рынок ритуальных услуг; похоронное дело; социология смерти; антропология смерти; инфраструктура; похороны.

Для цитирования: Мохов С.В. Похоронная индустрия: роль инфраструктуры в создании национальных моделей // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С. 51–68. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5528

Мохов Сергей Викторович — MA in history (МВШСЭН/The University of Manchester), аспирант, Школа социологических наук, НИУ «Высшая школа экономики»; редактор журнала «Археология русской смерти».

Адрес: 117152, Москва, Загородное шоссе, д. 10, корп. 5, кв. 34.

Телефон: +7 (977) 486-84-66. **Электронная почта:** svmo-hov.hse@gmail.com

¹ Исследование проведено на средства Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (проект 2016 008).

Введение

Несмотря на тотальность смерти, существуют серьезные различия в том, как устроены погребальные практики в разных культурах. Если в одних сообществах принята кремация (например в Индии), то в других распространено погребение в земле (страны Европы) и даже в воздухе, с помощью подвешивания гробов на деревьях (Абхазия, Якутия, Филиппины). Отличия могут быть и в том, как люди оплакивают своих умерших родственников. Для одних траур будет заключаться в надрывном плаче и публичной скорби, для других — в смехе и карнавале [27].

Необходимо признать, что различия касаются не только ритуальной или обрядовой части, но и институционального процесса организации похорон. Например, того, как устроены кладбища и места прощания; кто проводит похороны; процента кремаций от общего числа захороненных и развития катафального транспорта. При этом различия фиксируются не только между культурно отличными сообществами, что вполне объяснимо, но и в рамках культурно однородных ареалов. Например, между соседствующими странами, говорящими на одном языке и имеющими одно вероисповедание [18; 20; 21]. Это приводит к необходимости объяснения природы подобных различий.

Объяснения можно искать сразу в нескольких областях. Во-первых, в уже упомянутой культуре и даже точнее — религии. Необходимо признать, что смерть и погребение более других сфер социальной жизни относятся к области сакрального, и поэтому мы не можем рассматривать процесс захоронения в отрыве от культурного контекста. Во-вторых, объяснения можно искать в области демографии и медиализации — отношение к смерти зависит от половозрастной структуры населения и уровня медицинской помощи. В-третьих, это вопросы нормативных ограничений. Дэвид Харрингтон довольно убедительно показал на примере США, как процент кремаций от общего числа захороненных напрямую зависит от государственного регулирования в конкретных штатах [22; 23]. В-четвертых, погребальные практики в разных культурах зависят от специфики развития похоронной инфраструктуры. Создание и поддержание всего комплекса ритуальной инфраструктуры требует серьезных ресурсов. Например, в Японии существует связь между ограниченным земельным ресурсом для открытия новых кладбищ и развитием кремации или альтернативных методов погребения [28].

Такая вариативность в подходах рождает определенные интерпретации. Так, Тони Уолтер, один из ведущих исследователей в области социологии смерти, попытался представить собственную концепцию объяснения подобных различий, соединив последние два фокуса [37; 38]². Он выявил определенную корреляцию между государственным регулированием того, кому принадлежит похоронная инфраструктура,

² Необходимо отметить, что иные типологии похоронного рынка автору неизвестны. Об альтернативах также ничего не пишет и Т. Уолтер.

и институциональными моделями рынков ритуальных услуг. Согласно его выводам различные конфигурации нормативного регулирования и владения инфраструктурой не только производят отличные друг от друга институциональные модели похоронного рынка, но и формируют различные типы отношений между клиентами и представителями похоронной сферы, а также конструируют сами ритуальные практики.

Нужно отметить, что предложенные Тони Уолтером модели касаются только опыта Западной Европы и Нового Света. При этом Уолтер вполне справедливо отмечает, что его фокус потенциально может быть применен и к другим странам. Однако он не предпринимает дальнейших шагов к обобщению, в частности, из-за отсутствия объективной информации о функционировании похоронной сферы в Восточной Европе и Азии.

Цель данной статьи — попытка применить типологию Т. Уолтера на российском материале³. Задачи статьи — проанализировать различия в формировании национальных рынков ритуальных услуг при помощи типологии Уолтера, а также изучить устройство рынка ритуальных услуг современной России, рассмотреть его в контексте западного опыта и попытаться применить данную типологию к российскому кейсу.

Методология

Типология Тони Уолтера была представлена им в цикле статей [37; 38]. В рамках данной статьи она дополнена примерами на основе находящихся в свободном доступе нормативных документов [3; 13] и описательных текстов историков, социологов и антропологов — Дэвида Харрингтона, Анны Бремборг, Гарри Ладермана и др. — об устройстве похоронной сферы в странах Западной Европы (Скандинавские страны, Германия, Италия, Франция, Бельгия, Великобритания), США и Австралии.

Предложенные модели Т. Уолтера сконструированы, как это и будет представлено ниже, на основе изучения именно коммерческой стороны организации похорон. Уолтер рассматривает институциональные формы взаимодействия ключевых акторов похоронного рынка — крематория, кладбища, похоронных домов и т. д. То есть в его поле зрения попадают только те хозяйствующие субъекты, которые напрямую обеспечивают захоронение человека. (Учреждения паллиативной медицины, промышленное производство ритуальных принадлежностей, культурное многообразие ритуальных практик остаются за кадром).

В рамках данной статьи также будут использованы данные открытых источников. Прежде всего это нормативные акты (Федеральный закон

³ Ранее схожая попытка предпринималась Е. Моисеевой, правда она акцентировала внимание лишь на аспекте коммерциализации погребального ритуала, при этом рассматривая в качестве примера только коммерческую модель в США. Моисеева попыталась показать, как в современной России похоронное дело постепенно становится рыночным благом [6].

о похоронном деле, локальные законодательные акты местных органов самоуправления) и судебные решения, материалы СМИ, а также данные и выводы других исследователей. Например, о прямой связи между предписанием иметь специальные помещения для бальзамирования и распространённостью кремации [25]; о влиянии нормативных барьеров на развитие альтернативной инфраструктуры во Франции [35; 36] и т. д.

Эмпирической базой для формулирования ряда выводов о работе рынка похоронных услуг послужило собственное полевое исследование автора, проведенное в Калужской, Тульской, Курской, Московской областях РФ. В ходе включенного наблюдения осуществляется описание и интерпретация профессиональной деятельности одного из ритуальных агентств данного региона. В исследовательский фокус попали около 100 различных неформальных ситуаций, в результате которых решались те или иные задачи, связанные с выполнением основной функции похоронного агентства — обеспечением захоронения умершего человека.

В данной статье не будут использоваться примеры из полевой работы — только обобщающие выводы. С результатами, конкретными кейсами и примерами этнографической работы можно ознакомиться в уже опубликованных статьях в журналах «Социология власти», «Экономическая социология», «Этнографическое обозрение» и «Журнал исследований социальной политики» [7; 8; 9; 10].

Модели похоронного рынка Тони Уолтера: три идеальных типа

По мнению Тони Уолтера, и с ним трудно не согласится, на институциональный дизайн похоронной индустрии оказывают влияние несколько факторов.

Первый — это местное законодательство. Оно не просто предписывает некую последовательность норм регулирования похоронной сферы, но и оказывает влияние на характер услуг, их стоимость и модели конкуренции. Так, Дэвид Харрингтон и Джарет Требер продемонстрировали, как те или иные ограничения для похоронных домов приводят к росту/снижению цен на услуги в различных штатах. Так, когда власти штата в рамках борьбы с монополиями запрещают похоронным домам иметь в своем составе еще и кладбище, это приводит к росту издержек и, следовательно, цен на услуги [23]. Даниэль Саттер, в дополнение к этому, показал, каким образом регулирование онлайн-торговли гробами приводит к недобросовестной конкуренции и навязыванию дополнительных услуг [17]. Согласно его наблюдениям запрет на такую торговлю приводит к снижению конкуренции между похоронными домами за эту услугу и к падению ее качества.

Второй фактор, и надо сказать, что он неотделим от первого, это возможность для частных компаний создавать и поддерживать собственную похоронную инфраструктуру. Прежде всего — частные морги

и кладбища. Инфраструктура не просто определяет характер связей, но и меняет культурные нормы и практики. Например, отсутствие необходимого оборудования в больницах и моргах Франции привело к появлению специальных комнат долгого прощания — “chambres funéraires” [16]. Эти комнаты компенсируют недостаточность государственной похоронной инфраструктуры и представляют собой просторные залы, в которых тело усопшего находится несколько дней (даже не в гробу, а на кровати), в течение которых родственники прощаются с ним. В *chambres funéraires* имеется все необходимое для проживания близких родственников умершего: аудио- и видеосистемы, кровати, душевые и даже маленькие кухни. Таким образом, интересная культурная традиция обязана своим появлением местным инфраструктурным ограничениям. Другой пример можно найти в Швеции, где отсутствие моргов в составе похоронных агентств приводит к развитию дополнительных услуг — например поминального кейтеринга и траурной флористики, что повышает сумму среднего чека за ритуальные услуги [15].

Тони Уолтер предлагает следующие три модели похоронного рынка, которые отображают влияние описанных выше факторов на институциональный дизайн похоронной индустрии: государственная, церковная, частная. И отдельно он говорит о смешанной модели, когда одни объекты контролируются государством, а другие — частными структурами. Перейдем к их рассмотрению.

Частная модель

В рамках данной модели у похоронного бизнеса имеются практически безграничные возможности создавать и развивать собственную инфраструктуру: морги, похоронные дома, залы прощания, и даже кладбища (при этом речь идет о бессрочной аренде) [27]. Частный бизнес может также строить крематории, колумбарии и парки памяти. В пределах похоронного дома могут одновременно функционировать комнаты бальзамирования, траурный зал, небольшая часовня, комната хранения тел. При этом нужно отметить, что само понятие «похоронный дом» применяется именно к подобным автономным инфраструктурным объектам, где все услуги можно получить сразу. Похоронные дома появились в США в конце XIX века, когда местные погребальные бизнесмены решили сделать условия пребывания родственников на похоронах более комфортными и сократить время на траурную логистику [25].

Американская модель похоронного рынка привела к широкому развитию бальзамирования и техник косметического ухода за телом — в центре похоронного процесса оказывается тело и его внешний вид [25]. Похоронные директора вместе с правом на собственную инфраструктуру получили, по сути, и монопольное право на тело, манипуляции с которым превратили в профессиональное знание [25]. Американской модели обязано и широкое распространение дорогих катафалков и шикарных гробов. Инфраструктура создала ритуальную практику.

Благодаря этому похоронные дома оказывают серьезное сопротивление росту популярности кремации, которая не только значительно дешевле, но и не требует бальзамирования и дорогих гробов. Поэтому похоронная индустрия вынуждена постоянно придумывать и развивать сторонние услуги, чтобы иметь возможность замещать падающий и меняющийся потребительский спрос. Например, предлагать обработать прах кремированного человека в искусственный бриллиант, запустить прах вместе с космическим кораблем и проч. Серьезная конкуренция вынуждает развивать услуги предварительного планирования (*pre-planning funeral*) — клиентам предлагается оформлять прижизненные договора, четко прописывая перечень услуг, последовательность действий на прощальной церемонии.

Однако подобная бизнес-модель не должна вводить в заблуждение о либертарном характере рынка. Похоронная индустрия довольно серьезно регулируется надзорными органами, в том числе и FTC (*Funeral Trade Commission*). Согласно принятому законодательству похоронные компании обязаны полностью раскрывать перечень предоставляемых услуг, извещать клиентов о возможности отказа от услуг частично или полностью [19].

Как отмечает Т. Уолтер, подобная коммерциализация похоронной сферы привела к бурному и очень быстрому развитию индустрии. Эта модель способствует высокому уровню конкуренции, который в свою очередь повышает качество услуг и побуждает рынок адаптироваться под спрос, предлагая все новые и новые возможности. Согласно Уолтеру отношения между похоронными компаниями и клиентами сформированы в логике рыночных отношений, а похороны воспринимаются потребителями именно как рыночное благо со своим стандартом качества и социальной ответственностью.

Церковная модель

Церковная модель вовсе не предполагает, что все умершие обязательно погребаются по христианскому обряду. В рамках данной модели кладбища находятся всего лишь под административным управлением местной церковной общины. Эта модель распространена в Скандинавских странах: граждане платят в течение жизни налог-десятину на нужды местной церковной общины (иногда и отдельный похоронный налог, как в случае с Финляндией). Из этих денег после смерти оплачиваются все необходимые для похорон услуги — то есть арендуется место на кладбище, организовывается церемония прощания, поминальный ужин и т. д.

По сути, похоронные услуги покрываются почти полностью самой церковью за счет прижизненного налога. Дополнительно оплачиваются государством услуги морга. Поэтому похоронные компании урезаны в правах и крайне слабо развиты. Похоронные агентства все больше нацелены на развитие сопряженной сферы услуг и персонализации

ритуала. Например, в типичные услуги похоронного агентства входит заказ билетов для родственников, поиск и бронирование гостиниц для гостей, встреча их в аэропорту, кейтеринг продуктов и похоронная логистика, флористика, организация онлайн-трансляции прощания. В отличие от США скандинавские похоронные компании вообще не имеют дела с мертвым телом — они не участвуют ни в его перевозке, ни в хранении, ни в захоронении. Анна Бремборг прямо называет похоронный рынок Швеции “professionalization without dead bodies” — буквально «профессионализация в отсутствие мертвых тел» [15].

Конфессиональная принадлежность влияет не только на институциональные модели, но и на развитие тех или иных услуг, например кремации, и даже того, как выглядят кладбища. Как упоминалось выше, для протестантов связь тела и души гораздо менее значима, а значит, место захоронения менее оберегаемо и почитаемо, чем в католических и ортодоксальных странах.

Государственная модель

В рамках данной модели инфраструктура похоронной индустрии главным образом принадлежит государству и местным муниципалитетам. По мнению Т. Уолтера, к числу таких стран относится Германия, Италия и особенно Франция — как источник влияния наполеоновского гражданского кодекса.

Согласно этой модели похоронный бизнес находится практически под контролем местных муниципалитетов, которые локально регулируют похоронную сферу, отвечают за содержание и развитие кладбищ [31; 32]. В чистом виде государственный тип функционирует в Испании, где есть городской морт, церковь и муниципальные кладбища. Похоронные компании продают, по сути, услуги катафалка, ритуальные принадлежности, услуги обслуживания кладбищ.

В таких странах, как Франция, кладбищами и похоронами могут заниматься и частные структуры. В этом случае они являются всего лишь нанятыми местными муниципалитетами работниками, которые обслуживают инфраструктурные объекты. То есть кладбища и морти при этом не являются собственностью таких похоронных компаний.

Подобные инфраструктурные ограничения в рамках государственной модели приводят к тому, что активно развиваются предложения, связанные с ритуальным обращением с прахом кремированного человека. Дело в том, что в случае погребения в землю у тела может быть одна судьба: из зала прощания — на муниципальное кладбище, без возможности для родственников выбрать способ оформления захоронения, так как муниципалитет жестко регламентирует все. В случае кремации прахом можно распоряжаться согласно воле умершего человека. Именно поэтому, например, в Испании можно приобрести ячейку колумбария на стадионе любимой футбольной команды. Другим примером может быть деятельность частных крематориев

в Голландии, которые развивают дополнительные услуги, например заказ музыки, и выигрывают за счет этого у муниципальных крематориев [27]. Показателен и случай Германии, где иммигрантские похоронные компании выполняют функцию медиатора между местной этнической общиной и немецкой похоронной бюрократией, помогая уладить вопросы, связанные с получением тела, наличием гроба и положением тела в могиле, так чтобы это не противоречило законам Германии [16].

Серьезные проблемы развития подобной модели стали очевидны для многих государств в последние десятилетия. Как отмечают эксперты, эта модель меняется в сторону первого типа — частного. Причем повсеместно — как в Германии [15], так и во Франции. Среди главных объектов критики — отсутствие гибкого подхода к клиентам и чрезмерная бюрократизация. Например, в Англии на процедуру прощания в муниципальном крематории отводится всего 20 минут, а саму церемонию проводит священник, который мог никогда не знать умершего человека; в итоге теряется индивидуальный подход к церемонии [24]. В Германии между датой смерти и похоронами может пройти больше месяца из-за бюрократических проблем.

Смешанные модели

Для Великобритании и некоторых стран Европы характерна смешанная модель, когда объекты похоронной инфраструктуры как находятся под ведомством муниципалитетов, так и принадлежат частному бизнесу. Например, крематории могут быть частные, а могут принадлежать местным органам власти [28; 32; 34].

Англия является отличным примером смешанной модели. Как правило, частная похоронная компания забирает тело умершего в государственный морг, затем отпевает и либо хоронит на церковном англиканском кладбище, либо кремирует в муниципальном или частном крематории.

В разных районах Англии действуют разные правила и формы ведения бизнеса — в городских условиях это передовые похоронные компании, которые предлагают экологически чистые похороны, а в сельских пуританских регионах кладбищами распоряжается местная религиозная община. Как отмечает Тони Уолтер, английская смешанная модель одновременно и секулярная, и религиозная, и частная, и муниципальная.

Выводы из типологизации Т. Уолтера

Представляя свои модели, Тони Уолтер делает весьма важный вывод, о котором стоит сказать отдельно, перед тем как перейти к рассмотрению опыта российского рынка ритуальных услуг.

Уолтер отмечает, что институциональный дизайн по-разному сочетает ритуальные практики в фокусе взаимоотношений того, кто предоставляет услугу, и тех, кто их потребляет. В рамках коммерческой модели на первом месте оказывается тело и манипуляции с ним — это предмет профессиональной деятельности и идентификации похо-

ронных директоров. Отсюда — особый акцент на гробах, катафалках, бальзамировании и церемонии прощания. В рамках муниципальной модели значение мертвого тела находится почти на минимуме. Тело убрано из практик обращения как объект ритуальных действий: этому способствует жесткий бюрократический регламент. В рамках церковной модели телу придается особое символическое и религиозное значение. В государственной модели акцент в развитии услуг делается на общественной церемонии, так как этого не хватает в услугах, которые обычно предоставляет государство. В церковной модели аналогичный процесс идет еще дальше — оказываются порой совершенно сторонние услуги, такие как кейтеринг, логистика, букинг и т. д.

Иными словами, там, где инфраструктура развита и находится в частных руках, она встраивается в ритуальные практики, приобретая свое, особое значение, — например, появляются комнаты бальзамирования или комнаты долгого прощания. Там, где отсутствует возможность создания такой инфраструктуры и управления ею, развиваются дополнительные услуги, не связанные с манипуляциями с мертвым телом.

Однако во всех этих построениях есть и два существенных допущения.

Во-первых, конечно, институциональная форма похоронного рынка во многом оказывает влияние на то, какой будет процедура захоронения, — от участников захоронения и их функций до непосредственно ритуальной части. Однако мы не можем исключить влияние культурных и религиозных факторов внутри стран на окончательную архитектуру похоронных моделей. Например, муниципальная модель рынка ритуальных услуг Италии будет куда более религиозна по наполнению и смыслам, чем церковная модель Швеции. Также необходимо признать, что католические похороны в США будут серьезно отличаться от протестантских/секулярных, несмотря на коммерческую форму похоронной индустрии.

Во-вторых, Уолтер отсылает не просто к идеальным типам, а к нормативному их виду, априори подразумевая, что все они реализуются в рамках работающего закона и общепринятых правил игры. Соответственно, игроки похоронного рынка всегда следуют за институциональными ограничениями. Например, предполагается, что запрет на возведение моргов не приводит к появлению их теневых аналогов. Таким образом, в рамках моделей Уолтера под рассмотрение наблюдателя попадают только видимые практики, исключая латентные/неформальные связи, которые потенциально могут оказаться гораздо важнее, чем представленные в моделях.

Российская модель рынка ритуальных услуг: четвертый путь?

Эти выводы позволяют довольно серьезно скорректировать предлагаемую Уолтером типологизацию, рассматривая пример рынка ритуальных услуг современной России. К какому типу принадлежит

похоронное дело в современной России? Что находится в центре похорон? Какие услуги предоставляет похоронное агентство?

Начнем с исторического контекста. Российское похоронное дело развивалось в несколько этапов. В Российской империи оно шло скорее по европейскому пути. В больших городах успешно работали лавки гробовщиков, бюро похоронных процессий и т. д. О разнообразных ритуальных практиках того времени есть много свидетельств — начиная с материальной культуры, например мемориальная скульптура национальных некрополей, и заканчивая литературными и архивными источниками [4; 14].

С приходом к власти большевиков ситуация кардинально изменилась. В течение 1930-х годов были окончательно уничтожены зачатки городского похоронного бизнеса и городской погребальной культуры [14]. Попытки построения новой, коммунистической обрядности, в том числе в области похорон, быстро закончились. В послевоенное время советская власть окончательно потеряла интерес к похоронной сфере. Похороны стали областью ответственности каждой советской семьи, которая сама искала гроб, занималась подготовкой места погребения, установкой и изготовлением памятников [31]. Иными словами — де факто похоронная сфера никак не контролировалась властями, несмотря на то, что де юре это была в чистом виде государственная модель [5; 14].

Среди основных факторов, которые оказали влияние на формирование советской погребальной культуры, — массовая миграция сельского населения в города (и как следствие превращение их в большие деревни), борьба с религиозностью (и как следствие развитие суеверий), преобладание традиционной культуры, разрыв семейных связей. А самое главное — отсутствие рыночных отношений, регулируемых законом, то есть условия, принципиально отличные от европейского контекста.

Таким образом, к моменту распада СССР похоронное дело на территории огромной страны не было сформировано. Кладбища развивались стихийно, централизованного производства погребальных принадлежностей и катафального транспорта не было, морги появились только с 1970-х годов, похоронные компании отсутствовали [31]. Новая Россия стала наследницей стихийно сформированной, слабо институционализированной похоронной сферы без исторического рыночного наследия.

Какова же отечественная похоронная индустрия сейчас? Изменилось ли что-то с приходом рыночных отношений? Так же, как и в советское время, российский рынок ритуальных услуг полностью является сферой ответственности государства. Он регулируется местными органами самоуправления — от субъектов федерации до сельских муниципалитетов. При этом закреплён негласный советский принцип делегирования — похоронами каждый хозяйствующий субъект занимается самостоятельно. Под юрисдикцию местных органов самоуправления попадает организация содержания кладбищ, оказание услуг социальных похорон населению. Деятельность моргов регулируется Министерством здравоохранения. В отличие от советской модели

государству добавилась одна функция — регулирование деятельности частных ритуальных компаний.

Согласно федеральному законодательству (Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 N 8-ФЗ) вся похоронная инфраструктура также принадлежит государству. Моргы, кладбища, крематории, перевозка тела с места смерти до кладбища — все это контролируется местными органами самоуправления. По этому закону каждый гражданин вправе получить услуги по захоронению бесплатно.

Таким образом, в России нельзя открывать частные кладбища — частные компании могут лишь потенциально обслуживать их в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП). Открытие морга сопровождается довольно серьезными бюрократическими и технологическими проблемами. Так, морг можно открыть только без возможности проводить вскрытие и выдавать заключения судебно-медицинской экспертизы, то есть, по сути, как трупохранилище. При этом существуют серьезные риски, что использовать морг и в этом качестве будет невозможно, если в субъекте федерации, например, будет принято предписание направлять все тела на вскрытие. Правда, частному бизнесу разрешено открывать и содержать крематории и колумбарии. Однако это также весьма затруднительно — необходимо огромное количество согласований и разрешений. На момент написания статьи в стране действует всего два частных крематория. Таким образом, в России нельзя создать похоронный дом — только похоронное агентство.

По логике Уолтера, подобные инфраструктурные и нормативные ограничения должны приводить к тому, что участие ритуального бизнеса будет минимизировано в практиках обращения с телом, так как всеми процедурами занимается государство. Как следствие, похоронный бизнес будет развивать дополнительные услуги (кейтеринг, логистику, гражданские и секулярные траурные церемонии), заниматься продажей похоронных принадлежностей. Однако это сильно отличается от того, что мы видим.

Во-первых, в России де факто отсутствует регулирование похоронного бизнеса со стороны государства. Это не раз отмечалось исследователями [1; 2; 5]. Местные органы самоуправления предпочитают снимать с себя ответственность и нагрузку на социальный бюджет, по сути, предоставляя рынку полностью автономный статус без возможности создания собственной инфраструктуры. Например, кладбища специально не ставятся на кадастровый учет — следовательно, их не существует как юридических объектов⁴. Отсутствие в кадастре означает, что отпадает необходимость заниматься их развитием

⁴ Ознакомиться с материалами более чем нескольких тысяч судебных дел о необходимости постановки кладбищ на кадастровый учет, возбужденных прокуратурой в адрес органов местного самоуправления, можно на сайте архива судебных актов [13].

и бюджетным финансированием [10]. По всей России десятки тысяч неучтенных кладбищ.

В ряде случаев работники муниципалитетов сдают кладбища «в аренду» ритуальным компаниям, неформально легализуя инфраструктурные потребности частного бизнеса. Например, во многих регионах есть так называемые «частные кладбища», несмотря на то, что законодательно такой формы частной собственности нет [11]. В других случаях муниципальные кладбища оформляются по принципу ГЧП. Тогда кладбище продолжает номинально принадлежать муниципалитету, но все бремя расходов по его содержанию несет частная компания, которая, конечно же, стремится заработать, продавая места для захоронений, оказывая услуги по выкапыванию могил и т. д.⁵

Во-вторых, благодаря серьезным инфраструктурным ограничениям для частного бизнеса уровень неформального включения других акторов в процесс организации/проведения похорон остается крайне высоким. Прежде всего это касается работников «скорой помощи», полиции, санитаров государственных моргов [3], работников местных муниципалитетов. Например, представители полиции и работники «скорой» продают информацию об умершем человеке ритуальным агентствам [5], а санитары моргов занимаются оказанием дополнительных ритуальных услуг — подготовкой и выдачей тела, омовением и т. д. [7].

В итоге рынок ритуальных услуг в современной России, несмотря на различные локальные конфигурации внутри страны, включает не только частные ритуальные компании, но и множество других игроков. В качестве активных акторов рынка выступают работники моргов, санитары, полиция и многие другие, участвующие в теневых и неформальных экономических практиках, которые реализуются благодаря государственной монополии на инфраструктуру.

Современный рынок ритуальных услуг в России представляет собой неформальную сеть держателей инфраструктурных ресурсов и частного бизнеса, что принципиально отличает его от западных моделей. Ограничения и отсутствие своей инфраструктуры приводит к тому, что бизнес ритуальных компаний является скорее агентским и посредническим. Они используют государственную инфраструктуру для извлечения прибыли, ограничивая доступ потребителя к соответствующим услугам [7].

Таким образом, вместо того чтобы развивать конкурирующие с государственными услуги, похоронный бизнес выступает агентом, продающим доступ к государственной инфраструктуре. Это приводит к тому, что сама по себе процедура захоронения превращается в «квест» по преодолению инфраструктурной дисфункциональности.

Как видим, в случае с российским рынком ритуальных услуг типологизация Уолтера, возникшая в ограниченных нормативных ус-

⁵ Что также нелегально [12].

ловиях, не «срабатывает»: государственная модель трансформируется в неформальную ресурсную сеть, становясь источником извлечения прибыли для муниципалитетов, работников бюджетной сферы, частного бизнеса [7; 8; 9; 10].

Вместо заключения

Европейская похоронная индустрия образовалась в результате целого ряда уникальных событий — Реформации, роста национальных государств, развития капитализма, секуляризации, развития медицины. Похоронная индустрия была довольно быстро импортирована во все бывшие европейские колонии. Именно поэтому в ряде стран за пределами Европы и Нового Света эти процессы проходят успешное становление. Главным образом это касается стран Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока. По признанию ряда исследователей [19; 33; 38], в этом помогает глобализация и колониальное наследие. Так, американские шикарные гробы и катаfalки-лимузины нашли применение в ряде африканских стран. Некоторые элементы викторианской поминальной культуры прочно вошли в похоронную повседневность Индии. Китай испытал огромное англосаксонское влияние — первые похоронные дома и частные кладбища появились в последней четверти XIX века благодаря колониальным властям. Несмотря на серьезные ограничения со стороны новых коммунистических властей, это послужило основательным плацдармом для роста похоронного бизнеса уже в конце XX века.

СССР не произвел никакой собственной похоронной культуры, которая могла бы стать основанием для таковой в современной России. Советский Союз уничтожил зачатки похоронного рынка, который начал формироваться в Российской империи. Советская институциональная модель — это стихийность и автономность похоронных услуг в контексте развития деревенской традиционной культуры.

После распада СССР Россия оказалась не способной к внешним заимствованиям, а только унаследовала прежнюю институциональную модель, закрепив ее законодательно в рамках федерального закона, который делегирует всю деятельность местным органам самоуправления.

Слабая региональная власть, лишенная ресурсов, оказалась не в состоянии контролировать и создавать похоронный рынок и содержать доставшуюся от СССР технически слабую инфраструктуру. А лишенные последней частные компании занялись не развитием сферы услуг в области похорон, а агентскими и посредническими услугами.

Итак, как показало наше исследование, типологизация похоронного рынка Тони Уолтера, работающая в нормативном контексте, оказалась слабо применима в современной России. Однако благодаря попытке применить эту типологизацию к российскому кейсу мы получили возможность увидеть, что для своего развития похоронная индустрия должна находиться в рамках нормативного регулирования, общих правил игры и подвергаться регламентации. Это позволит сфор-

мировать услугу похорон как рыночное благо, в рамках реализации которого возможна конкуренция и качественное ее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абелев М., Рожков С., Зульфугарзаде Т.* Похоронное дело в России // Заместитель главного врача. 2006. № 4. С. 137–140.
2. *Барков А., Грачёв Р.* Рынок ритуальных услуг: проблемы гражданско-правового регулирования. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2013. — 176 с.
3. Ближится конец ритуальной подработки? // Форум судебных медиков [электронный ресурс]. Дата обращения 13.01.2017. URL: <<http://www.sudmed.ru/index.php?showtopic=23829>>.
4. *Добужинский М.* Воспоминания / Сост., вступ. ст. и примеч. Г.И. Чугунова. М.: Наука, 1987. — 477 с.
5. *Елютина М., Филиппова С.* Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 86–94.
6. *Моисеева Е.* Коммодификация ритуала погребения, или история становления рынка ритуальных услуг // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 6–13.
7. *Мохов С.* Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс // Социология власти. 2016. № 28 (4). С. 83–103. DOI: 10.22394/2074-0492-2016-4-83-103
8. *Мохов С.* Управляя неопределенностью и стигмой: региональный рынок ритуальных услуг в этнографических заметках // Экономическая социология. 2017. Том 18. № 1. С. 28–50.
9. *Мохов С.* Рынок ритуальных услуг: опыт этнографии сенситивного поля // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. Том 121. № 1. С. 23–38.
10. *Мохов С., Зотова В.* Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. Том 15. С. 21–36. DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-21-36
11. Почему на похороны курянам приходится копить несколько лет? // Аргументы и факты. Черноземье [электронный ресурс]. Дата обращения 13.01.2017. URL: <<http://www.chr.aif.ru/society/history/183535>>.
12. Решение по делу № 495-04-4361-а/11 // Управление Федеральной антимонопольной службы по Ленинградской области [электронный ресурс]. Дата обращения: 13.01.2017. URL: <<http://lenobl.fas.gov.ru/solution/6952>>.
13. Судебные акты [электронный ресурс]. Дата обращения 13.01.2017. URL: <<http://sudact.ru/regular>>.
14. *Соколова А.* Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202.
15. *Филиппова С.* Кладбище как символическое пространство для социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 12 (4). С. 80–96.
16. *Akyel D.* The Economization of the Sacred: The Transformation of the Death Care Industry in Germany. Paper presented at the annual meeting of the SASE Annual Conference, Autonomous University of Madrid, Spain. June 23, 2011

- [online]. Accessed 05.07.2017. URL: <http://citation.allacademic.com/meta/p498209_index.html>.
17. *Balkan O.* Between Civil Society and the State: Bureaucratic Competence and Cultural Mediation among Muslim Undertakers in Berlin // *Journal of Intercultural Studies*. 2016. No. 37. P. 132–147. DOI: 10.1080/07256868.2016.1141757
 18. *Bremborg A.* Professionalization without Dead Bodies: The Case of Swedish Funeral Directors // *Mortality*. 2006. No. 11 (3). P. 270–285.
 19. *Blayac T., Bougette P., Montet C.* How Consumer Information Curtails Market Power in the Funeral Industry. (2012) // SSRN Electronic Journal [online]. Accessed 05.07.2017. URL: <<http://www.lameta.univ-montpl.fr/Documents/DR2012-12.pdf>>.
 20. *Chevalier J., Morton F.* State casket sales and restrictions: A pointless undertaking? (2006) [online]. Accessed 05.07.2017. URL: <<http://www.nber.org/papers/w12012>>.
 21. *Goody J., Poppi C.* Flowers and bones: Approaches to the dead in Anglo and Italian cemeteries // *Comparative Studies in Society and History*. 1994. No. 36. P. 146–175. DOI: 10.1017/S0010417500018922
 22. *Kopp S., Kemp E.* The death care industry: A review of regulatory and consumer issues // *Journal of Consumer Affairs*. 2007. No. 41 (1). P. 150–173.
 23. *Draper J.* The funeral elegy and the rise of English romanticism. London: Frank Cass, 1967. — 358 p.
 24. *Sloane D.C.* The last great necessity: Cemeteries in American history. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. — 320 p.
 25. *Harrington D., Krynski K.* The effect of state funeral regulations on cremation rates: Testing for demand inducement in funeral markets // *The Journal of Law and Economics*. 2002. No. 45 (1). P. 199–225.
 26. *Harrington D.* Markets preserving funeral markets with ready-to-embalm laws // *The Journal of Economic Perspectives*. 2007. No. 21 (4). P. 201–216.
 27. *Holloway M., Adamson S., Argyrom V., Draper P., Mariau D.* Funerals aren't nice but it couldn't have been nicer. The makings of a good funeral // *Mortality*. 2013. No. 18 (1). P. 30–53.
 28. *Laderman G.* Rest in Peace: A cultural history of death and the funeral home in twentieth-century America. New York: Oxford University Press, 2003. — 245 p.
 29. *Mollenhorst J., Hoondert M., Van Zaanen M.* Musical parameters in the playlist of a Dutch Crematorium // *Mortality*. 2016. No. 21 (4). P. 322–339.
 30. *Metcalf P., Huntington R.* Celebrations of death: The anthropology of mortuary ritual. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — 258 p. DOI: 10.1017/CBO9780511803178
 31. *Merridale C.* Night of stone: Death and memory in twentieth-century Russia. New York and London: Viking Penguin Books, 2002. — 403 p.
 32. *McChesney F.* Consumer ignorance and consumer protection law: Empirical evidence from the FTC funeral rule // *Journal of law and policy*. 1990. No. 7. P. 1–73.
 33. *Nakamaki H.* Continuity and change: Funeral customs in modern Japan // *Japanese Journal of Religious Studies*. 1986. No. 3. P. 177–192. DOI: 10.18874/jjrs.13.2-3.1986.177-192
 34. *Parsons B.* Yesterday, today and tomorrow. The lifecycle of the UK funeral industry // *Mortality*. 1999. No. 4 (2). P. 127–145.

35. *Trompette P.* Political exchanges in the French funeral market // *Management & Organizational History*. 2011. No. 6 (1). P. 13–35.
36. *Trompette P.* The politics of value in French funeral arrangements: Three types of moral calculation // *Journal of Cultural Economy*. 2013. No. 6 (4). P. 370–385
37. *Walter T.* Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West // *Mortality*. 2005. No. 10 (3). P. 173–192.
38. *Walter T.* Why different countries manage death differently: A comparative analysis of modern urban societies: why different countries manage death differently // *The British Journal of Sociology*. 2012. No. 63 (1). P. 123–145.

Дата поступления: 31.03.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2017. VOL. 23. NO. 4. P. 51–68. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5528

S.V. МОКХОВ

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation.

Sergei V. Mokhov — MA in history (MSEES/The University of Manchester), Graduate student; Faculty of social science, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 10-5-34, Zagorodnoe shosse, 117152, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (977) 486-84-66. **Email:** svmohov.hse@gmail.com

**THE BURIAL INDUSTRY IN COMPARATIVE PERSPECTIVE:
HOW INFRASTRUCTURE CREATES NATIONAL MODELS**

Abstract. Tony Walter once presented his own models to describe the differences between the national institutional models of the burial industry. He combined two approaches — infrastructure and regulatory. He revealed a correlation between the state regulation of funeral infrastructure and institutional models. There are three ideal models (highlighted based upon who the respective infrastructure belongs to): state, church, private, as well as variations of a mixed model. However, Walter's models relate only to the experience of Western Europe and the United States. The author of this article attempts to address this omission. The author tries to incorporate the experience of Russia's modern burial industry into Walter's typology. This article has several objectives. First of all, to introduce Russian readers to the context of burial industry development. Such information has not yet been published in Russian. Secondly, presenting attempts to interpret the differences in the formation of national funeral service markets using Walter's model. Third, trying to expose the serious limitations of the proposed model when attempting to apply it to the situation in Russia.

The author argues that the Soviet model can be described as an institutional autonomy which came to be within the context of rural traditional cultural development. Modern Russia has inherited that old institutional model and enforces it under federal law, delegating all activities to the local authorities, who use government infrastructure to generate profit, while restricting access to such services for consumers. Therefore, state funeral infrastructure has led not to the emergence and development of private companies which provide burial services, but has rather relegated the private sector to becoming an intermediary. Tony Walter's models, working within the regulatory context, were loosely applied to the case of the Russian burial industry.

Keywords: funeral; funeral market; burial industry; sociology of death; anthropology of death; infrastructure.

For citation: Mokhov S.V. The Burial Industry in Comparative Perspective: How Infrastructure Creates National Models. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 51–68. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5528

REFERENCES

1. Abelev M., Rozhkov S., Zul'fugarzade T. Funeral work in Russia. *Zamestitel' glavnogo vracha*. 2006. No. 4. P. 137–140. (In Russ.)
2. Barkov A., Grachev R. *Rynok ritual'nykh uslug: problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya*. [The market of funeral services: problems of civil-law regulation.] Moscow: Izd-vo YurLitinform publ., 2013. 176 p. (In Russ.)
3. Is the end of the ritual work pending? *Forum sudebnykh medikov*. [Forum of forensic doctors.] Accessed 13.01.2017. URL: <<http://www.sudmed.ru/index.php?showtopic=23829>>. (In Russ.)
4. Dobuzhinskii M. *Vospominaniya*. [Memories.] Select., pref. by G.I. Chugunov. Moscow: Nauka publ., 1987. 477 p. (In Russ.)
5. Elyutina M., Filippova S. Ritual funeral practices: Substantial changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. No. 9. P. 86–94. (In Russ.)
6. Moiseeva E. The Commodification of the Funeral, or the History of Formation of the Market of Funeral Services. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2014. No. 2. P. 6–13. (In Russ.)
7. Mokhov S. Death Care Industry in Modern Russia: Breakdown of Infrastructure As Power Resource. *Sotsiologiya vlasti*. 2016. No. 28 (4). P. 83–104. (In Russ.) DOI: 10.22394/2074-0492-2016-4-83-103
8. Mokhov S. Handling the Ambiguity and Stigma: Ethnography of a Local Funeral Market. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2017. Vol. 18. No. 1. P. 28–50. (In Russ.)
9. Mokhov S. The market of ritual services: the experience of ethnography of the sensitive field. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2017. Vol. 121. No. 1. P. 23–38. (In Russ.)
10. Mokhov S., Zotova V. The Case of the Fence, Table and Bench: Orders of Worth in the Allocation of Places within a Cemetery. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2017. Vol. 15. P. 21–36. (In Russ.) DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-21-36
11. Why do the Kursk inhabitants have to save for funeral for several years? *Argumenty i fakty. Chernozem'e*. [Arguments and Facts. Chernozem Region.] Accessed 13.01.2017. URL: <<http://www.chr.aif.ru/society/history/183535>>. (In Russ.)
12. Judgment of the Court in Case No. 495-04-4361-A/11. *Upravlenie Federal'noi antimonopol'noi sluzhby po Leningradskoi oblasti*. [Office of the Federal Antimonopoly Service for the Leningrad region.] Accessed 13.01.2017. URL: <<http://lenobl.fas.gov.ru/solution/6952>>. (In Russ.)
13. Sudebnye i normativnye akty RF. [*Law and Normative Acts of RF*]. Accessed 13.01.2017. URL: <<http://sudact.ru/regular>>. (In Russ.)
14. Sokolova A. Funeral without a Corpse: Transformations of the Traditional Funeral Ritual. *Antropologicheskii forum*. 2011. No. 15. P. 187–202. (In Russ.)
15. Filippova S. Cemetery as a Symbolic Space of Social Stratification. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2009. No. 12 (4). P. 80–96. (In Russ.)
16. Akyel D. *The Economization of the Sacred: The Transformation of the Death Care Industry in Germany*. Paper presented at the annual meeting of the SASE Annual Conference, Autonomous University of Madrid, Spain. June 23, 2011. Accessed 05.07.2017. URL: <http://citation.allacademic.com/meta/p498209_index.html>.
17. Balkan O. Between Civil Society and the State: Bureaucratic Competence and Cultural Mediation among Muslim Undertakers in Berlin. *Journal of Intercultural Studies*. 2016. No. 37. P. 132–147. DOI: 10.1080/07256868.2016.1141757

18. Bremborg A. Professionalization without Dead Bodies: The Case of Swedish Funeral Directors. *Mortality*. 2006. No. 11 (3). P. 270–285.
19. Blayac T., Bougette P., Montet C. How Consumer Information Curtails Market Power in the Funeral Industry. (2012). *SSRN Electronic Journal*. Accessed 05.07.2017. URL: <<http://www.lameta.univ-montpl.fr/Documents/DR2012-12.pdf>>.
20. Chevalier J., Morton F. *State casket sales and restrictions: A pointless undertaking?* (2006). Accessed 05.07.2017. URL: <<http://www.nber.org/papers/w12012>>.
21. Goody J., Poppi C. Flowers and bones: Approaches to the dead in Anglo and Italian cemeteries. *Comparative Studies in Society and History*. 1994. No. 36. P. 146–175. DOI: 10.1017/S0010417500018922
22. Kopp S., Kemp E. The death care industry: A review of regulatory and consumer issues. *Journal of Consumer Affairs*. 2007. No. 41 (1). P. 150–173.
23. Draper J. *The funeral elegy and the rise of English romanticism*. L.: Frank Cass, 1967. 358 p.
24. Sloane D.C. *The last great necessity: Cemeteries in American history*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. 320 p.
25. Harrington D., Krynski K. The effect of state funeral regulations on cremation rates: Testing for demand inducement in funeral markets. *The Journal of Law and Economics*. 2002. No. 45 (1). P. 199–225.
26. Harrington D. Markets preserving funeral markets with ready-to-embalm laws. *The Journal of Economic Perspectives*. 2007. No. 21 (4). P. 201–216.
27. Holloway M., Adamson S., Argyrom V., Draper P., Mariau D. Funerals aren't nice but it couldn't have been nicer. The makings of a good funeral. *Mortality*. 2013. No. 18 (1). P. 30–53.
28. Laderman G. *Rest in Peace: A cultural history of death and the funeral home in twentieth-century America*. New York: Oxford University Press, 2003. 245 p.
29. Mollenhorst J., Hoondert M., Van Zaanen M. Musical parameters in the playlist of a Dutch Crematorium. *Mortality*. 2016. No. 21 (4). P. 322–339.
30. Metcalf P., Huntington R. *Celebrations of death: The anthropology of mortuary ritual*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 258 p. DOI: 10.1017/CBO9780511803178
31. Merridale C. *Night of stone: Death and memory in twentieth-century Russia*. N.Y. and L.: Viking Penguin Books, 2002. 403 p.
32. McChesney F. Consumer ignorance and consumer protection law: Empirical evidence from the FTC funeral rule. *Journal of law and policy*. 1990. No. 7. P. 1–73.
33. Nakamaki H. Continuity and change: Funeral customs in modern Japan. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1986. No. 3. P. 177–192. DOI: 10.18874/jjrs.13.2–3.1986.177–192
34. Parsons B. Yesterday, today and tomorrow. The lifecycle of the UK funeral industry. *Mortality*. 1999. No. 4 (2). P. 127–145.
35. Trompette P. Political exchanges in the French funeral market. *Management & Organizational History*. 2011. No. 6 (1). P. 13–35.
36. Trompette P. The politics of value in French funeral arrangements: Three types of moral calculation. *Journal of Cultural Economy*. 2013. No. 6 (4). P. 370–385.
37. Walter T. Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West. *Mortality*. 2005. No. 10 (3). P. 173–192.
38. Walter T. Why different countries manage death differently: A comparative analysis of modern urban societies: why different countries manage death differently. *The British Journal of Sociology*. 2012. No. 63 (1). P. 123–145.

Received: 31.03.2017.